

А. И. Рупасов

Лапуаское движение и советско-финляндские отношения (конец 1920-х — начало 1930-х гг.)

История возникших в Финляндии на рубеже 1920-х — 1930-х гг. Лапуаского движения и Патриотического народного движений (IKL) изучена в финской историографии достаточно хорошо. Финский историк Лаури Карвонен отмечал, что как правило в научной литературе стремятся провести четкую границу между упомянутым первым и вторым, подчеркивая, что только IKL представляет собой собственно фашистское направление мысли в финской политике. При этом, если лапуаское движение характеризуется как в значительной степени спонтанное народное движение, единственной целью которого являлось искоренение коммунизма, то IKL считается действительно политической партией с выработанной идеологией, имеющей явные признаки влияния Италии и Германии. Однако в практической деятельности существовали явные отличия: лапуаское движение было нейтральным в языковом вопросе, тогда как IKL руководствовалось истиннофинской манией Карельского академического общества; лапуаское движение имело сильную поддержку со стороны деловых кругов, IKL — двигалось к корпоративному общественному строю Муссолини и, по крайней мере в принципе, негативно относилось к капиталистической системе¹. Однако в историографии почти не привлекала к себе внимания тема оценок в СССР, советской дипломатией политических процессов в Финляндии, результатом которых и стало возникновение Лапуаского движения и IKL.

К концу 1920-х гг. политическая атмосфера в Финляндии накалилась. К возможным массовым беспорядкам, вызванным забастовочной борьбой и деятельностью коммунистов, готовилась Центральная сыскная полиция, внимательно следившая за событиями. Действия коммунистов, направленные на крайнюю радикализацию рабочего движения на фоне ухудшавшейся экономической ситуации, привели к возникновению контрдвижения, в котором инициатива быстро перешла в руки крайне правых, прибегнувших к испытанной тактике активистов — тактике упреждающих ударов. Сдвиг вправо стал более заметным и в высших эшелонах власти. Уже правительство Оскари Мантере (декабрь 1928 — август 1929 г.) предприняло подготовку ряда законодательных мер, направленных на сдерживание активности коммунистов. Завершать этот процесс, правда, пришлось другому правительству — Кюёсти Каллио, которое в сентябре 1929 г. внесло в парламент проекты поправок в закон о свободе печати и в уголовный кодекс. Контроль над применением закона о свободе печати предлагалось передать от министерства юстиции канцлеру права, а изменения в уголовном кодексе позволили бы на законной основе закрывать злоупотребляющие свободой печати издательства на длительный срок и опечатывать их имущество.

Беспокойство у руководства Центральной сыскной полиции вызывала, однако, не только активизация коммунистов и рабочего движения в целом. В подготовленной ею инструкции для служебного пользования «О действиях полиции по поддержанию общего порядка и спокойствия» подчеркивалось: в борьбе с коммунистами и забастовочным движением желательнее довольствоваться исключительно собственными силами и не прибегать к помощи шюцкоров и армии. Эта предусмотрительность диктовалась тем, что у шюцкоров все большее влияние приобретали местные активисты, и в силу этого действия шюцкоровцев в кризисной ситуации легко могли стать мало-, а то и полностью неуправляемыми. Шеф сыскной полиции Эско Риекки был также хорошо осведомлен о блуждавших по стране слухах о возможном правом государственном перевороте. В полиции внимательно следили не только за развитием рабочего движения в Европе, но и за активизацией правых кругов — перевороты 1926 г. в Польше и Литве, попытка государственного переворота 1927 г. в Латвии показывали, что и Финляндия не застрахована от подобного развития событий. Впрочем, не меньшее внимание вызвали и события в Вене в июле 1927 г., повлекшие большие человеческие жертвы². В 1929 г. у сыскной полиции стала вызывать беспокойство деятельность возникшей в этом году, правда, недолго просуществовавшей правой организации *Suomen Lalli-liitto*, ставившей целью борьбу с коммунизмом, парламентаризмом и демократией.

Естественно, внутривластная ситуация в Финляндии была в центре внимания как дипломатического представительства СССР в Хельсинки, так и структур Коминтерна. Однако существенным препятствием для них являлась необходимость использования при анализе ситуации того понятийного

аппарата, отличительной чертой которого была расплывчатость содержания применяемых терминов, обуславливавшая вульгаризацию представлений о социальной и политической структуре финского общества. В силу этого оценки перспектив и динамики развития процессов менялись, как в калейдоскопе. Основное внимание уделялось процессу так называемой «фашизации» Финляндии. О. В. Куусинен летом 1930 г. на заседании Польско-прибалтийского лендерсекретариата ИККИ заявлял: «Проявления фашизма уже были в 1905–1906 гг., потом в 1917 г. (вооруженные организации, которые выступали против царизма и рабочего класса). Окончательно он оформился в 1918–1919 гг. Шюцкоры можно сравнить с итальянской фашистской милицией»³.

Так далеко в поисках корней фашизации Финляндии советские дипломаты не заходили. Отмечая весной 1929 г. обострение внутривнутриполитической ситуации, секретарь полпредства СССР И. Карташев тем не менее не считал, что на повестке дня стоит вопрос о фашизации страны. По его мнению, к этому ни одна из партий финляндской буржуазии еще не была готова, ни сама по себе, ни по ее относительному значению в стране. «Крайние активистские группировки здесь недостаточно значительны даже в армии и в то же время сильно скомпрометированы в прошлом монархическими устремлениями. Эта тень падает отчасти и на коалиционеров. Абсолютизм же здесь совершенно непопулярен, ибо слишком напоминает недавнее прошлое царизма, — информировал он свое руководство. — Аграрии с их усилением «истиннофинского» курса начали одновременно поговаривать о необходимости найти для Финляндии «сильного человека» <...> Но поиски диктатора путем газетных объявлений только доказывают, что партия не созрела еще для принятия таких методов управления. К тому же аграрии являются здесь кулацкой партией и у них меньше чем у кого бы то ни было имеется людей, годных к оформлению фашистских тенденций <...> Шведы и соц[иал]-дем[ократы]ы, конечно, не могут считаться подходящей питательной средой для роста фашистских тенденций. Остаются прогрессисты. И они отлично нащупывают пределы возможностей, даваемых методами парламентской арифметики. Но ничтожной фракции прогрессистов в сейме терять на выборах почти нечего. Их 10 депутатов попали в сейм головами интеллигенции и чиновничества, и не в последнюю очередь — высшего чиновничества, которое, скорее всех других, и может быть средой для роста действительно близких к фашизму не только настроений, но и действий. Однако этим я не хочу сказать, что прогрессисты уже теперь делают ставку на бюрократию именно в этом духе и смысле. Для этого им не хватает еще чрезвычайно многого. У них нет достаточно тесной связи с армией, у них нет никакой опоры в деревне, им противостоит рабочий и мелкобуржуазный город, еще целиком живущий идеями «демократического парламентаризма», им нужно не в шутку считаться и с революционным авангардом пролетариата, хотя он и загнан в подполье <...> Прогрессисты достигли большого успеха в деле мобилизации сил государственного и административного аппарата под своим руководством

пока на предмет парламентской борьбы, а позже, может быть, и иной, за дело осуществлений «твердой власти» в стране. Поэтому я склонен считать этот успех весьма опасным с точки зрения того, что он открывает в Финляндии перспективы роста уже не только тенденций, но и возможностей фашизма <...>. Фашизация Финляндии не перспектива завтрашнего дня»⁴.

Менее чем через месяц после сделанного им категоричного вывода об отсутствии ближайших перспектив фашизации Финляндии поверенный в делах СССР в Финляндии И. Карташев огорошил курировавшего отношения с Финляндией члена коллегии НКВД Б. С. Стомонякова следующим заявлением: «Финляндский фашизм в настоящий момент не имеет никаких оснований противопоставлять себя парламентской демократии и нынешним конституционным формам правления. Наоборот, он уже в настоящее время является органичной и притом существеннейшей частью финляндского конституционного государства. Представленный в основе шюцкором <...> он официально признается частью государства <...> финляндский фашизм в лице шюцкора выполняет роль организующего и объединяющего звена всей финской и шведской городской и сельской буржуазии <...> Нынешняя финская демократия не приходится фашизму антагонистом, наоборот, под ее крылом фашизм нашел все необходимые ему средства для того, чтобы крепнуть и развиваться»⁵. Исходя из отмеченной им «особенности финского характера» — медлительность, тягучесть и холодное спокойствие — он приходил к выводу об устойчивости политического режима и об отсутствии каких-либо серьезных опасностей парламентской демократии в Финляндии даже со стороны рабочего класса. Анализ поступавшей из Хельсинки информации не устраивал руководство НКВД, о чем назначенному в мае 1929 г. полпредом И. М. Майскому вежливо намекнул Б. С. Стомоняков⁶. Впрочем, более увлеченный анализом общеевропейской ситуации Майский, судя по всему, не особо вникал в это время в изучение политических процессов в Финляндии, лишь поражаясь медлительности всех этих процессов, не наблюдавшейся им ни в одной другой стране⁷.

Направленная против коммунистов деятельность получила мощный всплеск, когда организованная Финляндской профсоюзной организацией всеобщая забастовка повлекла серьезные негативные экономические последствия⁸. А в конце ноября 1929 г. в г. Лапуа произошли столкновения правых с представителями коммунистической молодежной организации. После них 1 декабря в Лапуа собрался митинг, на котором от правительства потребовали решительных шагов для запрещения коммунистической деятельности. Дальнейшее развитие событий привело к тому, что уже в декабре правительство Каллио поспешило внести в парламент законопроект, предоставлявший министерству внутренних дел и губернаторам право запрещать общества, деятельность которых они сочли бы противозаконной, без вынесения судебных постановлений. Коммунисты также перешли в наступление: их фракция в эдускунте, насчитывавшая 23 депутата, внесла запрос по поводу событий в Лапуа. Однако

при ответе правительства на запрос и в последовавшей за этим дискуссии главное внимание парламентариев оказалось сконцентрировано на изменнической деятельности коммунистов, а не на противозаконных действиях их политических противников. Полученный правительством вотум доверия подлил масла в огонь. Крайне правым теперь уже не казались достаточными меры кабинета Каллио, они требовали его отставки. Одними из первых на события в Лапуа отреагировали в Коминтерне руководители компартии Финляндии, что спустя несколько лет послужило поводом для одного из обвинений в неправильной оценке ситуации. В принятой в апреле 1934 г. «Резолюции об антипартийной фракционности Ханна Мальм и ее поддержки со стороны т. К. Маннера» констатировалось: «Т. Маннер в конце 1929 г. писал в «Пролетарий», что в Финляндии, якобы, уже «совершен переход» к методам фашистской диктатуры. Это было крайним проявлением господствовавшей тогда в партии легалистской слепоты в отношении фашистской опасности, которая находилась впереди, а не сзади. Решения партийного руководства, правда, не включали такой односторонней установки, в них подчеркивалась необходимость борьбы против предстоящей фашизации, но это делалось в совершенно абстрактной форме, не указывая, и даже не увидя той конкретной опасности, что решительный переход к фашизму произойдет путем насильственного внезапного штурма, а не постепенно — «сухим путем»⁹.

Для советской дипломатии обострение внутривнутриполитической ситуации в Финляндии имело несколько измерений. Прежде всего руководство НКВД исходило из вероятности серьезного осложнения двусторонних отношений в силу резкого ухудшения экономического положения Финляндии, а также усиления конкуренции СССР и Финляндии на европейском лесном рынке¹⁰ и проводимой в районах Ленинградской области, населенных ингерманландцами, политики насильственной коллективизации и выселения кулаков. По этой причине реакция руководства НКВД на события в Лапуа и на обрушившуюся на рабочее и коммунистическое движение волну репрессий последовала очень быстро. Уже 7 декабря Б. С. Стомоняков писал И. М. Майскому: «Ввиду возможности разгона ком[мунистической] фракции сейма отмечу, что мы считаем совершенно нецелесообразным и прямо вредным всякое вмешательство со стороны Полпредства в подобных случаях. Недопустимы даже указания на то, что разгон ком[мунистической] фракции может, ввиду неизбежной при этом антисоветской кампании, вызвать соответствующую реакцию со стороны нашего общественного мнения. Все подобные разговоры не только истолковывались бы как подтверждение нашей связи с компартией Финляндии, но и ухудшили бы положение самой ком[мунистической] фракции в сейме»¹¹.

С другой стороны, помимо антикоммунистической истерии учитывались и широко распространенные в финском обществе русофобские настроения. Одним из выразителей таких настроений был, например, Эрки Александери Ряйккёнен, журналист, один из крайне правых представителей активистов,

в 1927–1944 гг. являвшийся личным секретарем П. Э. Свинхувуда. В одном из своих сочинений он писал: «Оглянитесь вокруг, сограждане! Не полна ли наша страна предателей, Эфиальтов, продававших и всё еще продающих свою маленькую, несчастную страну кровному врагу? Десятки тысяч наших коммунистов живут на восточное золото, горбятся по русским делам, ждут темной ночи, чтобы продать соотечественника кровному врагу. Они не голодают и не мерзнут, лишены остатков чести, они не являются простыми горными пастухами, неспособными отличить добро от зла, они действуют с полным сознанием того, что делают, с умыслом. Рядом с ними покраснела бы от стыда история Эфиальта. Было бы здорово дать каждому из наших изменников его родословие и предложить перелистать на несколько столетий назад. Может случиться, да и нередко, что он найдет страницы, которые охладят его любовь к рюсся. Наверное, падал его предок на пороге своего дома с разрушенной русским мечом головой. Может, бросали его бабушку со связанными руками в горящий дом, а детей казак счел украшением для колов в изгороди... Десятки тысяч наших целуются с рюсся. Они продадут страну москвиту в любой момент, не прося ничего взамен. Они верные как собаки, а ненавистный запах рюсся манит их к себе, как падаль шакалов»¹².

В марте 1930 г. на собрании в Лапуа была официально создана организация *Suomen Lukko* («Замок Финляндии»), которую возглавил Арттури Лейнонен. Впрочем, заявлялось, что организация свою деятельность будет строить на законной основе. Жаждавшие более решительных действий радикальные элементы позже — в ноябре 1930 г. — объединились вокруг Вихтори Косола, создав организацию *Lapuan liike* («Лапуаское движение»). К лету 1930 г. ситуация в Финляндии накалилась до предела. Лидер социал-демократов Вяйне Таннер советовал проживавшему в Америке бывшему главе сената Оскари Токою отложить приезд на родину до прояснения ситуации, подчеркивая при этом, что раздражение, вызванное коммунистами, исключительно сильно, хотя коммунизм уже и не представляет опасности¹³. В Польско-прибалтийском лендерсекретариате Коминтерна в это же время продолжались прения по вопросу, есть ли фашизм в Финляндии. Примечательным в этом отношении было заявление, сделанное финским коммунистом Лехтиненом: «Было мнение у некоторых товарищей, что в Финляндии полный фашизм есть и теперь. Надо сказать, что в Финляндии уже давно развивается своеобразный фашизм. Буржуазия наступает, и дело идет к настоящему фашизму»¹⁴. 16 июля Политсекретариат ИККИ принял резолюцию о компартии Финляндии, в которой констатировалось: «Партия должна уяснить себе, что, хотя фашистский переворот уже совершился, однако фашистская диктатура еще не успела укрепиться. Всё находится еще в движении»¹⁵. Точку в обсуждении этого вопроса в конце июля 1930 г., казалось, поставил В. Мицкевич-Капсукас: «На заседании в июне... я высказал мысль, что вопрос о том, когда в Финляндии зародился фашизм, является академическим вопросом; я говорил так потому, что боялся, как бы

прения не пошли по неправильному направлению <...> все финские товарищи теперь согласны с тем, что фашистский переворот в Финляндии только теперь совершился; раньше были лишь элементы фашизма»¹⁶. Однако всего неделю спустя он же заявлял: «Когда у нас стоял вопрос в связи с директивой, данной Политбюро ЦК Финляндии в июне месяце, как раз шел спор относительно того, есть ли фашизм в Финляндии или нет, можно ли говорить о перевороте в Финляндии или нельзя говорить, во всяком случае ясности по этим вопросам в финской КП не было тогда, и, конечно, это не могло не сказаться на подготовке финской КП к предстоящим выступлениям, к борьбе в связи с обострением фашистской опасности, в связи с приближением фашистского переворота <...> думать о том, что возможно в Финляндии создать единую фашистскую партию не приходится, т[ак] к[ак] трения между существующими партиями, вне всякого сомнения, есть и останутся»¹⁷.

17 и 26 июня представители фактически всех партий в эдускунте участвовали в собраниях, на которых обсуждались возможности выработки общей стратегии противостояния диктатуре¹⁸. 1 июля была созвана чрезвычайная сессия эдускунты. 4 июля правительство К. Каллио ушло в отставку, коалиционное правительство возглавил П. Э. Свинхувуд, более благожелательно относившийся к лапуаскому движению. Вождю лапуасцев Вихтори Косола дали разрешение на проведение в Хельсинки так называемого «крестьянского марша». 15 июля эдускунта приняла чрезвычайный закон, коммунистические организации были запрещены, несколько сотен коммунистов были арестованы. Наиболее радикальные борцы с коммунизмом стали прибегать к необычному способу — отвозили своих политических противников к границе и заставляли переходить на советскую сторону. Интерес в связи с этим представляет рассказ шведского посланника в Москве Хейденстама финскому посланнику Понтусу Артти об ответе М. М. Литвинова на вопрос, последуют ли протесты советской стороны. Литвинов якобы ответил: разумеется, «мы не можем бесконечно принимать весь этот сброд»¹⁹.

Вместе с тем на руководителей лапуасцев было оказано достаточно серьезное давление со стороны разных политических сил. Фактически являвшийся в то время политическим советником Свинхувуда Лаури Ингман направил асессору Каарло Каресу, одному из лидеров лапуасцев, письмо с предостережением: «Полагаю, что Вы одного со мной мнения, что худшим, что могло бы случиться <...> [будут] внешнеполитические инциденты. Россия, разумеется, наострит уши. Но и другие страны, особенно те из них, которые предоставляют нам займы, а, впрочем, и весь круг Лиги Наций, будут сильно опасаться и искры в нынешнем политическом пылу. О том ущербе, который был бы нанесен такой деятельностью, которая дала бы повод России вмешаться в наши дела, лучше и не говорить»²⁰. Карес был вынужден 14 июля публично заявить, что у движения нет внешнеполитических целей: «Лапуаское движение не имеет ни малейшего желания мешать миру других народов и государств

или изменять внешнеполитическое направление Финляндии <...> Мы желаем лишь удержать для нашего народа положение среди других народов. И мы верим, что Финляндия лишь тогда может быть действительной гарантией мира на Севере, когда здесь будет уничтожена всякая коммунистическая деятельность. Все речи об опасности для международного мира со стороны лапуаского движения являются ложью и ловлей рыбы в мутной воде»²¹. В этой связи примечательно сообщение в Москву полпреда Майского: «До сих пор фашисты весьма искусно избегали в своих выступлениях делать прямые выводы против СССР, так что у нас не было повода делать МИД представление. Только 2-го июня в сеймовой речи агрария Лохи я нашел одно выражение, против которого можно было протестовать. Я тот час же обратил на него внимание Прокопе... Вообще все фашистские выступления я рассматриваю под лупу под указанным углом зрения»²².

К концу осени 1930 г. как в советском полпредстве, так и в Коминтерне не имелось ясности в понимании происходившего, и, тем более, перспектив развития событий. В начале ноября Майский в докладе члену коллегии НКВД Крестинскому весьма красочно описывал ситуацию: «Политическое положение характеризуется чрезвычайной неопределенностью <...> происходит мобилизация сил двух лагерей — фашистов и полуфашистов. Кристаллизационным пунктом первых является намеченный на начало ноября съезд лапуасцев в Лапуа. Кристаллизационным пунктом вторых <...> был протест против похищения Столберга²³ <...> после ареста Валлениуса²⁴ лапуасцы сразу осеклись, притихли и стали замечать следы <...> Полуфашисты топчутся на месте, колеблются, путают следы, вообще попусту теряют время и, весьма вероятно, упустят выгодный момент для решительного выступления против фашистов <...> По существу в одних и в других живет одна душа <...> Поскольку основные причины подъема фашистской волны (кризис, наша лесная торговля, усиление опасности войны) не имеют шансов на скорую ликвидацию, трудно рассчитывать на спад этой волны»²⁵.

В свою очередь Политсекретариат ИККИ в том же ноябре принял резолюцию, которая, несмотря на жесткость и кажущуюся ясность формулировок, оставляла открытым ответ на вопрос, можно ли говорить о превращении Финляндии в фашистское государство: «В руководстве партии не было ясности по вопросу о фашизме в Финляндии <...> До фашистского переворота во многих резолюциях и заключениях КПФ, во второй и даже в третий период ошибочно именовался фашизмом весь существующий государственный строй Финляндии. Ввиду наличия в Финляндии серьезных фашистских элементов <...> некоторые финские товарищи высказывали в печати и устно мысль, что в Финляндии не только происходит рост фашизма и фашизации власти, но что существует уже фашистская диктатура. Такой взгляд <...> был неправилен <...>. Другой взгляд, получивший особенно большое распространение среди руководящих финских товарищей при обострении фашистского

движения в Финляндии, сводился к тому, что имеются две возможности существования фашистской диктатуры: первая возможность — фашисты восстанут и насильно захватят власть из рук парламента; вторая возможность — существующая система правления превратится в фашистскую диктатуру, эволюционируя постепенно»²⁶.

Представитель компартии Финляндии в ИККИ М. Штейн (Мякинен) в конце зимы 1931 г. заявлял: «<...> в данный момент у руководства партии имеется полная ясность о причинах фашистского переворота и пассивности партии во время переворота <...> Мы в Финляндии недооценили опасность фашистского переворота, считали лапуаское движение местным движением. В заблуждение нас ввело резкое выступление лапуасовцев против парламента и буржуазных партий. Мы думали, что буржуазные партии так легко не сдадутся. Мы не увидели, что лапуаским движением руководит буржуазия, что лапуасцы — это ударная бригада фашизма»²⁷.

Оценивая в мае внутриполитическую ситуацию в Финляндии и ее воздействие на двусторонние отношения, Б. С. Стомоняков в своем докладе И. В. Сталину писал в мае 1931 г.: «<...> было бы неправильно рассматривать отдельные антисоветские выходы и манифестации в Финляндии, как изолированные временные явления, и лапуаское движение, как только локальное движение финляндского активизма против СССР. Направленные против нас события последнего времени в Финляндии являются лишь наиболее яркими проявлениями серьезного непрерывного процесса организации антисоветских сил для будущей войны с СССР. Серьезность лапуаского движения заключается в том, что оно является авангардом международных интервенционистских кругов. Имевшая место осенью прошлого года попытка лапуасцев под руководством генерала Валениуса перебросить бывшего президента Финляндии Столберга в СССР с целью вызвать военный конфликт с Советским Союзом ясно показывает нам, чего мы можем и должны постоянно ожидать от безответственных элементов лапуаского движения, пользующихся достаточной силой и влиянием в своей стране и руководимых международными интервенционистскими кругами»²⁸.

Однако наиболее серьезным вызовом для конституционного строя Финляндии стали события февраля–марта 1932 г. С осени 1931 г. стали распространяться слухи о возможной попытке государственного переворота. Рождество Финляндия, однако, встретила спокойно. Поводом к резкому обострению внутриполитической ситуации послужило событие рядовое. 27 февраля перед сторонниками социал-демократической партии в рабочем доме в Мянтсяля должен был выступить депутат парламента Микко Эрих, пользовавшийся дурной славой в шюцкоровских и лапуаских кругах. Несмотря на рекомендации отказаться от выступления, Эрих всё же приехал в Мянтсяля. Дальнейший ход событий во многом был спонтанным. Приезд Эриха вызвал буквально взрыв негодования среди местных шюцкоровцев и сторонников Лапуаского движения.

В руках появилось оружие, зазвучали призывы к отставке правительства, к необходимости мобилизации всех, кто готов бороться с марксизмом. Вихтори Косола и К. Валлениус стремились придать начавшемуся волнению более организованный характер и обеспечить ему поддержку по всей стране. Призыв был услышан во многих районах Финляндии, в Мянтсяля стали съезжаться группы вооруженных людей. Наибольшее беспокойство правительства вызывала возможная реакция шюцкора в целом. Среди высшего военного руководства только генерал Аарне Сихво решительно высказывался за применение силы и быстрое подавление противозаконного выступления.

29 февраля 1932 г. к Маннергейму пришел его старый знакомый и будущий биограф активист Кай Доннер, оценивавший возникшую в стране ситуацию весьма примечательно: «Валлениус и К^о» полностью беспомощны, бесполезно растрачивают силы и время на обреченное на неудачу дело. Необходимо воспользоваться этой исключительной ситуацией. Да, движение, возглавляемое Валлениусом и Косола, к успеху не приведет, но руководству страны необходимо представить ситуацию в совершенно ином свете. Опасность следует преувеличить. Таким образом можно заставить уйти в отставку правительство и добиться еще кое-чего; нельзя, однако, действовать так, чтобы Валлениус и Косола одержали верх, но «им было бы дано время собрать чемоданы»²⁹. Президент П. Э. Свинхувуд решил 1 марта вечером выступить по радио с обращением к шюцкоровцам. Обращение было подписано им и командующим шюцкором Л. Мальмбергом. Последний «не смог» зачитать это обращение, так как у него болело горло. Пришлось заменить его министром обороны Лахденсуо. Президент льстил шюцкору: «Ценное наследие армии времен нашей освободительной войны — наша шюцкоровская организация — была самой прочной поддержкой независимости и свободы нашего народа». Поддержку многими шюцкоровцами мятежников Свинхувуд назвал роковой ошибкой. Обращение возымело незначительный эффект. Однако события вызывали опасения не только у руководства страны, но и в промышленно-финансовых кругах. Э. Риекки в качестве одной из причин называл ослабление курса марки. Стали поговаривать даже о прекращении субсидирования шюцкора. Кроме того, профсоюзное движение не вызывало в то время у работодателей серьезного беспокойства, зато лапуаское движение нарушало налаженный порядок, мешало торговле и т.п.³⁰ Свинхувуду удалось изменить ситуацию 2 марта. Вооруженные отряды в различных частях страны начали постепенно рассасываться. Правительство предприняло и некоторые военные меры с целью изолировать Мянтсяля от остальной страны. Практически 5 марта с мятежом было покончено.

Развязав узел с событиями в Мянтсяля, Свинхувуд и кабинет Синулы уже весной 1932 г. испытали давление преемника лапуаского движения — Патриотического народного движения (IKL), созданного в июне 1932 г. на собрании в Хямеенлинне. Какие цели ставило IKL, видно из такого документа, как «Основы деятельности местных организаций Патриотического народного движе-

ния»: «<...> Организация борется против международной социал-демократии, ставя главной целью то, чтобы социал-демократическая партия как противная духу наших основных законов и подтачивающая унаследованные от предков основы общественного устройства была объявлена незаконной и как абсурдная уничтожена <...> Организация борется с материализмом, эгоизмом, равнодушием и безволием и своей главной нравственной целью ставит всестороннее оздоровление нашего народа»³¹. В отличие от Лапуаского движения ИКЛ создало особый аппарат, фактически стало партией. Однако оно почти не располагало теми финансовыми источниками, из которых черпало Лапуаское движение — промышленные и финансовые круги, особенно затронутые организованной в 1920-х гг. коммунистами забастовочной борьбой. Правда, ИКЛ стало заниматься бизнесом самостоятельно — открывало рестораны (по эмблеме ИКЛ называвшиеся «Медведь»), оптовые магазины, газетные компании. Активисты движения носили черную рубашку и синий галстук. У ИКЛ имелась своя молодежная организация. Помимо ИКЛ в Финляндии в 1930-х гг. существовали и другие правые радикальные организации, например Патриотическая народная партия (ИКР), Финляндский национал-социалистский союз и др. В программе ИКР (1932 г.) констатировалось, например: «Так как опыт показал, что парламентаризм с его нынешними формами деятельности и неизбежностью партийности политики не способен выразить истинную волю народа, эта система приговорила сама себя». Основной же способ решения проблем общества ИКР видела в том, чтобы железной рукой подавлять все формы изменнической, антигосударственной деятельности и подстрекательства. Эквилибристика правительства в отношениях с правыми радикалами (возможно, правда, она и способствовала в определенной мере тому, что правительство Кивимяки, несмотря на довольно узкую парламентскую основу, смогло продержаться почти четыре года) лишалась значительной части риска при условии, если высшей исполнительной власти удастся создать предпосылки для пресечения в дальнейшем такого поворота событий, который имел место в 1932 г. Патриотическое народное движение, вынужденное отказаться от некоторых способов борьбы с левыми, в это же время приступило к активной вербовке сторонников среди личного состава полиции. Не будем утверждать, что сделанное П. Суситайвалом в ноябре 1933 г. в Оулу заявление отражало истинное состояние дел, однако упомянем, что этот видный деятель ИКЛ сказал тогда, что в полиции столь много сторонников движения, что порядок в стране может оказаться поколебленным, если полицейских будут склонять к лояльности властям под угрозой увольнения со службы³².

Оценивая события в Мянтсяля, полпред Майский писал в Москву: «Мятеж в Менцеля является прямым продолжением несостоявшегося переворота 8-го декабря. Однако есть все основания полагать, что мятеж в Менцеля явился несколько неожиданным для лапуаских вождей преждевременным выкидышем <...> Решающее выступление лапуасцев намечается на более поздний срок,

примерно на май-июнь <...> Мне думается, что нам надо исходить из той установки, что в не особенно отдаленном будущем <...> к власти придет лапуаское правительство»³³. Вместе с тем заслуживает внимания следующее сообщение Майского: «Судя по всему, итальянский посланник Тамаро весьма тесно связан с лапуасцами и всё время порывается служить мостом между ними и нами. Ввиду большой вероятности прихода к власти лапуаского правительства, не считаете ли Вы целесообразным, чтобы я через посредство Тамаро начал бы осторожно заводить некоторые связи с лапуаскими вождями? Само собой разумеется, что это должно делаться по инициативе лапуасцев или Тамаро, но не моей»³⁴. Учитывая особые отношения, складывавшиеся в 1920–1930-х гг. у СССР и Италии, инициатива итальянского посланника не может не вызывать удивления, однако с учетом сдержанности советской дипломатии в реакции на репрессии в отношении коммунистов и деятелей левых профсоюзных организаций не только в Финляндии, но, например, в Литве и Эстонии, заставляет с осторожностью относиться к высказывающимся в историографии оценкам советской внешней политики.

К мнению Майского в НКИД отнеслись довольно скептически. Стомоняков прямо написал об этом Майскому: «Мы не согласны с оценкой внутривнутриполитического положения в Финляндии, даваемой Вами в последней почте <...> я лишь укажу, что «авторитет центральной государственной власти», олицетворяемый Свинхувудом, не только не «потерпел серьезного урона», как Вы пишете, но как раз наоборот, вышел сильно укрепленным из последнего лапуаского путча. Не понимаю, далее, почему Вы ожидаете скорого прихода к власти лапуасцев, после того как они оскандалились и действительным вождем финляндской реакции вышел Свинхувуд, а не Валлениус и Косола <...> все шансы теперь на стороне мирной фашизации Финляндии под авторитетным руководством Свинхувуда»³⁵.

На просьбу руководства оценить перспективы развития ситуации в Финляндии Майский откликнулся фактически отпиской: «Вы просите в своем письме «наметить возможности дальнейшего развития». Откровенно скажу, что это сейчас довольно трудно сделать. Ясно одно, что нынешнее правительство долго не просуществует, хотя я не рискнул бы сколько-нибудь точно фиксировать момент его смерти <...> Финляндия с 1930 г. находится в процессе быстрой фашизации, которая, однако, проходит этапами. Первый этап — полная ликвидация всяких легальных возможностей для левого рабочего движения — был проведен в основном в 1930 г., хотя формальное завершение его путем избрания Свинхувуда в президенты приходится на начало 1931 г. Второй этап, который уже должен состоять в большей или меньшей перестройке финской конституции в сторону приближения ее к системе открытой фашистской диктатуры, стоит теперь на очереди, и последнее восстание в Менцеля было лишь первой, но неудачной попыткой реализации второго этапа»³⁶.

Для Ивана Михайловича Майского, так же как и для его коллеги, служившего в то время на посту полпреда в Таллине Федора Раскольниковца, было характерно резкое неприятие любой критики руководства. Ответ на апрельское письмо Стомонякова последовал хотя и не сразу, но по стилю и содержанию был весьма категоричен: «Внутреннее положение Финляндии продолжает развиваться в указанном мною ранее направлении. Лапуаское движение в различных его формах и прослойках всё более оживает. Однако его ударная сила сильно ослабляется пока наличием крупных разногласий внутри лапуаского лагеря. Разногласия эти чрезвычайно многочисленны, пестры и разнообразны. Поэтому сейчас нелегко разобраться во всех группах, группочках и течениях, на которые разбивается лапуаское движение. В основе все-таки можно отметить две главные линии. Первая линия — это так называемая «тавастгустская концентрация», именуемая так по имени недавнего съезда лапуасцев в Тавастгусе³⁷, она объединяет крупнокапиталистические, банковские элементы, открыто стремящиеся к фашистской реформе конституции, но до поры до времени склонные прикрываться фиговыми листочками законности. Вторая линия — это так называемое «кризисное движение», которое объединяет разорившихся и задолжавших кулаков, требующих от государства прежде всего своего экономического спасения <...>. Конечно, и «кризисное движение» сочувствует фашизации государственного аппарата страны, но для него в настоящий момент — это вопрос второго порядка, на первом плане стоит проблема собственного экономического спасения. Между тавастгустской концентрацией и кризисным движением сейчас происходит известная борьба, ибо требования последнего противоречат интересам банковско-капиталистической группы, — поэтому правительство в последние недели сравнительно решительно выступало против «беспорядков», организованных «кризисниками» <...> Сохранит ли оно эту твердость и в дальнейшем, в настоящее время сказать трудно. Ибо кулачество в Финляндии очень влиятельно, и банковско-капиталистическая группа на известной ступени развития может оказаться в необходимости пойти ему на известные уступки. С этой точки зрения чрезвычайно характерны решения, принятые на только что состоявшемся в Выборге аграрном съезде, где в сущности поддержаны все важнейшие требования «кризисного движения». Аграрный съезд даже угрожает выходом из правительства, если данные требования не будут одобрены последним. Весьма вероятно, что это лишь демагогия и средство оказать давление на другие партии, входящие в состав нынешней правительственной коалиции. Но вместе с тем, это означает также, что под давлением кулацких кругов аграрии вынуждены нажимать на банковско-капиталистическую группу. И не будет ничего удивительного, если банковско-капиталистическая группа станет искать компромисса со столь важным элементом нынешней государственной власти, как аграрная партия. Вот почему не исключена возможность известного примирения тавастгустской концентрации и кризисного движения в дальнейшем. Беда, однако, в том, что по условиям объективной

экономической обстановки государственная власть вообще лишена возможности сколько-нибудь серьезно помочь разоряющемуся кулачью. Тут кроется причина вероятного обострения внутреннего положения в конце лета и осенью, особенно если в Германии к власти придут национал-социалисты»³⁸.

Однако использование понятий «фашизм», «фашизация», «фашистское государство» для советских дипломатов оказывалось весьма удобным подручным средством, позволявшим уходить от реальной оценки внутривнутриполитических процессов в Финляндии. Первый секретарь полпредства Н. Г. Поздняков писал в Москву в октябре 1932 г.: «Растут революционные настроения, но не в меньшей степени растет и антиреволюционное фашистское направление, настойчиво добивающееся установления открытой фашистской диктатуры для столь же открытой физической расправы с революционно настроенными массами»³⁹. В конце декабря в своем докладе в Москву он высказывал мысли, противоречившие выводам деятелей Коминтерна об установлении в Финляндии фашистской диктатуры: «Свинхувуд в современной политической жизни Финляндии играет первую скрипку. Можно ли допустить мысль, что он идейно перевооружился, что он отказался от поддержки крайне правых и примкнул к центру? Конечно, нет. Можно ли предположить, что крайне правые отказались бы от получения власти, если бы они в состоянии были с ней справиться? Конечно, они не упустили бы такую возможность. Но правые еще не готовы к открытой диктатуре, потому и не было предположений о возможности прихода к власти крайне правых <...> Если открытая фашистская диктатура когда-либо и будет, то она будет возглавляться крайне правым крылом коалиционной и шведской партии, т.е. верхушкой финансово-промышленного капитала, а не просто лапуасцами»⁴⁰. Впрочем, в Коминтерне к концу 1933 г. в очередной раз засомневались в собственных оценках. М. Штейн (Мякинен) в ноябре утверждал: «Лапуаское движение <...> почти открыто требовало введения в Финляндии гитлеровского режима. Это лапуаское движение на последних выборах потерпело довольно большое поражение, оно потеряло своих сторонников, главным образом среди крестьянства. Это указывает на то, что большие массы крестьянства не хотят гитлеровского режима в Финляндии. Однако это поражение лапуаского движения несколько не ослабило их деятельности. Наоборот <...> после выборов [под именем патриотического движения] усилило свою агитацию и в последнее время особенно усилило свою демагогию <...> сейчас они открыто одним из важнейших пунктов своей программы выдвигают вопрос о Великой Финляндии, о завоевании советской Карелии, против изменников-коммунистов, против социал-демократов и марксистов»⁴¹.

Получаемая из Хельсинки и из структур Коминтерна информация явно вызывала раздражение в руководстве НКВД. В письме новому полпреду в Финляндии Б. Е. Штейну Стомоныаков признавался: «По ряду причин <...> мы недостаточно разбираемся во внутривнутриполитическом положении Финляндии и, в частности, в развитии лапуаского движения. Между тем это развитие имеет самое прямое

влияние на финскую внешнюю политику и на взаимоотношения Финляндии с СССР. Я бы поэтому очень просил Вас уделить особое внимание внутреннему положению Финляндии и в особенности тенденциям развития лапуаского движения и, когда Вы в этом достаточно разберетесь, дать нам Ваше заключение, и потом уже информировать нас, от поры до времени, о дальнейших сдвигах»⁴². Стомоняков неизменно уклонялся в своих директивных и личных письмах полпредам в Хельсинки от манипулирования коминтерновской терминологией, для него наибольший интерес представляла оценка влияния преемников лапуаского движения на внешнеполитический курс Финляндии. Характерен в связи с этим его вывод, приведенный в конце 1933 г. в письме полпреду: «В течение последнего года, после прихода Гитлера к власти, среди активистских кругов явно увеличилось стремление к сближению с Германией в надежде использовать в финских интересах активизацию германской политики и в частности германскую экспансию на восток. В Финляндии, вследствие ее географического положения, никто не боится германского нашествия, и лапуаско-активистские круги явно спекулируют на том, что в результате нашествия Германии на Восток, а также в случае советско-японской войны, создастся возможность присоединения к Финляндии Восточной Карелии и Ингерманландии <...> Образование Малого Прибалтийского блока из Латвии, Эстонии и Финляндии, под руководством последней, отвечает внешнеполитической концепции активистского крыла финской буржуазии <...> отвечает на данном этапе также и интересам гитлеровской Германии»⁴³.

Как для И. М. Майского, так и для Б. Е. Штейна многое происходившее в Финляндии оставалось непонятным. Впрочем, ни первый, ни второй не рассматривали Хельсинки как место для карьерного роста. А постоянное отвлечение обоих для участия в различных международных акциях и организациях, влекущее длительное отсутствие в финской столице, недостаток желаний овладеть финским или шведским языком (и это при проблемах с переводчиками в полпредстве) не могло не отразиться на качестве политического анализа. Потребность руководства НКВД в качественной оценке политических процессов неизменно оставалась неудовлетворенной.¹

¹ *Karvonen L. Läpporörelsen och IKL. Finländska varianter på mellankrigstidens fascistiska strömningar / Meddelanden från ekonomisk-statsvetenskapliga fakulteten vid Åbo Akademi. Statsvetenskapliga Institutionen. Ser. A:216. Åbo, 1985. S. 5–6.*

² *Hietaniemi T. Lain vartiosta. Poliisi Suomen politiikassa. 1917–1948. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1992. S. 128.*

³ Протокол № 19 заседания Польско-прибалтийского лендерсекретариата, 23.06.1930 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 61. Д. 34. Л. 105.

⁴ Доклад И. Карташева Б. С. Стомонякову, 24.04.1929 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 37. Л. 39–40. Что касается слухов об установлении диктатуры, то примечательным является содержание письма зятя К. Г. Маннергейма М. Грипенберга (сентябрь 1930 г.), утверждавшего, что затруднение представляет не установление диктатуры, а нахождение диктатора, и хотя год исключительно урожайный, найти такового возможности нет. «Есть люди, которые

- верят, что в конце концов диктатором станет Г. М. Я в это не верю. Время летит мимо него, а он позволяет ему уходить. Что прошло, того не воротить».
- ⁵ Доклад И. Каргашева Б. С. Стомонякову, 14.05.1929 // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 12. П. 124. Д. 1. Л. 31.
 - ⁶ Письмо Б. С. Стомонякова И. М. Майскому, 30.07.1929 // Там же. Д. 2. Л. 36.
 - ⁷ Доклад И. М. Майского Б. С. Стомонякову, 12.08.1929 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 37. Л. 82.
 - ⁸ *Niinistö J.* Lapuan Liike — Kuvahistoria kansannoususta 1929–1932. Helsinki: NIMOX KY, 2003. S. 17–20.
 - ⁹ Материалы финской комиссии, 25.04.1934 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 60. Д. 211. Л. 19.
 - ¹⁰ Подробнее см.: *Рупасов А. И.* Лесной экспорт СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и конкуренция на европейском рынке // Новейшая история России. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 82–98.
 - ¹¹ Письмо Б. С. Стомонякова И. М. Майскому, 07.12.1929 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 36. Л. 59. В 1929 г. фракция коммунистов насчитывала в эдускунте 23 депутата (на парламентских выборах коммунисты получили 13,5% голосов) (*Meinander H.* Tasavallan tiellä. Suomi Kansalaissodasta 2000-luvulle. Espoo: Schildts, 1999. S. 76).
 - ¹² Цит. по: *Klinge M.* Vihan veljistä valtiotalismiin. Yhteiskunnallisia ja kansallisia näkemyksiä 1910–1920-luvulta. Porvoo, Helsinki: WSOY, 1972. S. 61.
 - ¹³ *Paavolainen J.* Väinö Tanner sillanrakentaja — Elämäkerta vuosilta 1924–1936. Helsinki, 1984. S. 188. Советские дипломаты разделили бы мнение Таннера. Полпред Майский неоднократно писал о несомненном малодушии финских коммунистов, разброде и растерянности в их партии. А Б. С. Стомоняков в своих беседах с финским посланником П. Артти отмечал, что коммунистическое движение в Финляндии существовало давно и «никому не известно, чтобы за последнее время оно сделало внезапно крупные успехи, которые вызвали бы движение реакции со стороны частнособственнических элементов в стране» (Записи бесед Б. С. Стомонякова с П. Артти // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 5. П. 40. Д. 4. Л. 104, 105, 107).
 - ¹⁴ Протокол № 17 заседания Польско-прибалтийского лендерсекретариата, 07.06.1930 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 34. Л. 53.
 - ¹⁵ Резолюция Политсекретариата ИККИ «Ближайшие задачи КПФ», 16.07.1930 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 17. Л. 210.
 - ¹⁶ Протокол № 20 заседания Польско-прибалтийского лендерсекретариата, 22.07.1930 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 34. Л. 114.
 - ¹⁷ Заседание Польско-прибалтийского лендерсекретариата, 29.07.1930 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 38. Л. 71, 73.
 - ¹⁸ *Siltala J.* Lapuan liike ja kyuditykset 1930., Helsinki: Otava, 1985. S. 96–97; *Mylly J.* Maalaisliitto–Keskustapuolueen historia 2: Maalaisliitto 1918–1939. Helsinki: Kirjayhtymä, 1989. S. 262.
 - ¹⁹ Ulkoasiainministeriön arkisto. Suomen Moscovan-lähetystön raportti, 25.09.1930.
 - ²⁰ *Vares V.* Vanhasuomalainen. Lauri Ingman ja hänen poliittinen toimintansa. Helsinki, 1996. S. 454–455.
 - ²¹ Цит. по: Майский И. М. Разговор с Прокопе, 19.07.1930 // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 4. Д. 80. Л. 1–2.
 - ²² Доклад И. М. Майского М. А. Карскому, 05.07.1930 // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 13. П. 127. Д. 348. Л. 29.
 - ²³ Имеется в виду попытка активистов «перебросить» через границу в СССР похищенного экс-президента Финляндии К. Столберга, приуроченная к 10-й годовщине заключения Тартуского мирного договора.
 - ²⁴ Начальник генерального штаба генерал-майор К. Валлениус, причастный к похищению Столберга.
 - ²⁵ И. М. Майский Н. Н. Крестинскому, 04.11.1930 // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 4. Д. 79. Л. 52–54.

- ²⁶ Резолюция Политсекретариата ИККИ о причинах неспособности КПФ в борьбе против фашизма. 28.11.1930 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 567. Л. 43.
- ²⁷ Заседание Польско-прибалтийского лендерсекретариата, 02.02.1931 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 47. Л. 70.
- ²⁸ Доклад Б. С. Стомоняков И. В. Сталину, 16.05.1931. Секретно. В. Срочно. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 13. Д. 226. Л. 2–3.
- ²⁹ *Ahti M. Kaappaus? Suojeluskuntaselkkaus 1921 – Fascismin aave 1927 – Mäntsälän kapina 1932.* Helsinki: Otava, 1990. S. 174.
- ³⁰ *Ibid.* S. 198.
- ³¹ *Ekberg H. Führerns trogna följeslagare. Den finländska nazismen 1932–1944.* Ekenäs, 1991. S. 347.
- ³² *Hietaniemi T. Lain vartiossa. Poliisi Suomen politiikassa. 1917–1948.* S. 172–174, 184.
- ³³ Доклад И. М. Майского Б. С. Стомонякову, 14.03.1932 // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 15. П. 131. Д. 1. Л. 33, 37.
- ³⁴ Там же. Л. 32. Тамаро, судя по всему, неоднократно при встречах с Майским касался этой темы. Когда мятеж в Мянтсяля еще не был подавлен, Майский сообщал в Москву: «В ответ на мои опасения за состояние советско-финских отношений в случае победы лапуасцев Тамаро стал меня уверять, что нам бояться нечего, ему-де точно известно, что в случае прихода к власти лапуасцы постараются поддерживать с нами мир и торговлю (и, пожалуй, гораздо более эффективно, чем парламентарные правительства последних лет) и даже предложил мне как-нибудь встретиться с одним из лапуасских вождей Гумерусом, бывшим финским посланником в Италии» (Доклад И. М. Майского Б. С. Стомонякову, 01.03.1932 // Там же. Д. 5. Л. 42). Помимо итальянского дипломата свои услуги в налаживании контактов с вождями Лапуа предлагал и польский посланник.
- ³⁵ Письмо Б. С. Стомонякова И. М. Майскому, 01.04.1932 // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 14. П. 129. Д. 9. Л. 255.
- ³⁶ Доклад И. М. Майского Б. С. Стомонякову, 25.04.1932 // Там же. Д. 47. Л. 72. Примерно в тех же словах описывал Майский ситуацию в письме Стомонякову 20 февраля 1932 г. (Там же. Ф. 0135. Оп. 15. П. 131. Д. 1. Л. 24). Однако тогда он полагал, что, хотя подготовительная работа к фашистскому перевороту в значительной степени и проделана, но на поставленный им самим вопрос — до конца ли, выражал мнение, что не до конца.
- ³⁷ Шведское название Хямеенлинны.
- ³⁸ Майский Стомонякову, 28.06.1932 // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 4. П. 22. Д. 78. Л. 258–259.
- ³⁹ Доклад Н. Г. Позднякова Б. С. Стомонякову, 25.10.1932 // Там же. Ф. 0135. Оп. 15. П. 131. Д. 1. Л. 110.
- ⁴⁰ Доклад Н. Г. Позднякова Б. С. Стомонякову, 27.12.1932 // Там же. Л. 135–134.
- ⁴¹ Заседание Польско-прибалтийского лендерсекретариата, 14.11.1933 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 82. Л. 145, 170–171.
- ⁴² Письмо Б. С. Стомоняков Б. Е. Штейну, 15.01.1933 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 8. П. 66. Д. 48. Л. 1.
- ⁴³ Письмо Б. С. Стомонякова Б. Е. Штейну, 25.12.1933 // Там же. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 87. Л. 15.

References

- AHTI M. *Kaappaus? Suojeluskuntaselkkaus 1921 – Fascismin aave 1927 – Mäntsälän kapina 1932.* [The incident with the civil guards, 1921 – The Specter of fascism 1927 – Mäntsälä Rebellion in 1932. In Finnish]. Helsinki: Otava, 1990.
- EKBERG H. *Führerns trogna följeslagare. Den finländska nazismen 1932–1944.* [Führer's Loyal Followers: Finnish Nazism 1932–1944. In Swedish.]. Ekenäs, 1991.
- HIIETANIEMI T. *Lain vartiossa. Poliisi Suomen politiikassa. 1917–1948.* [To enforce the law. Police policy in Finnish politics. 1917–1948. In Finnish]. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1992.

KARVONEN L. *Läppörörelsen och IKL. Finländska varianter på mellankrigstidens fascistiska strömningar* [The Lapua movement and IKL. The Finnish variants of fascist movements in the interwar period. In Swedish]. / Meddelanden från ekonomisk-statsvetenskapliga fakulteten vid Åbo Akademi. Statsvetenskapliga Institutionen. Ser. A:216. Åbo, 1985.

KLINGE M. *Vihan veljistä valtiososialismiin. Yhteiskunnallisia ja kansallisia näkemyksiä 1910–1920-luvuilta*. [From the brothers of hatred to national socialism. Public and popular view of 1910–1920s. In Finnish]. Porvoo, Helsinki: WSOY, 1972.

MYLLY J. *Maalaisliitto 1918–1939*. [Agrarian Union. 1918–1939. In Finnish]. Helsinki: Kirjayhtymä, 1989.

NIINISTÖ J. *Lapuan Liike – Kuvahistoria kansannoususta 1929–1932*. [The Lapua movement – a descriptive history of national rise. In Finnish]. Helsinki: NIMOXY KY, 2003.

PAAVOLAINEN J. *Väinö Tanner sillanrakentaja. Elämäkerta vuosilta 1924–1936*. [Väinö Tanner – builds bridges. Biography. 1924–1936. In Finnish]. Helsinki, 1984.

RUPASOV A. I. *Lesnoj jeksport SSSR v konce 1920-h – nachale 1930-h gg. i konkurencija na evropejskom rynke* [Forest export of the USSR in late 1920s – early 1930s, and competition in the European market. In Russ.] // *Novejshaja istorija Rossii*. 2018. T. 8. Вып. 1. S. 82–98.

SILTALA J. *Lapuan liike ja kyyditykset 1930*. [The Lapua movement and transport across the border in 1930. In Finnish]. Helsinki: Otava, 1985.

VARES V. *Vanhasuomalainen. Lauri Ingman ja hänen poliittinen toimintansa*. [Old Finn. Lauri Ingman and his political activities. In Finnish]. Helsinki, 1996.

А. И. Рупасов. Лапуаское движение и советско-финляндские отношения (конец 1920-х — начало 1930-х гг.)

Резкое обострение внутривнутриполитической ситуации в Финляндии в конце 1920-х гг. стало причиной возникновения Лапуаского движения, а несколько позднее — так называемого Патриотического народного движения (IKL). Деятельность этих политических движений ставила под вопрос сохранение конституционного строя Финляндии, парламентскую демократию. Советскую дипломатию интересовали не столько принимаемые финскими властями меры против коммунистической партии и профсоюзов, сколько возможные последствия усиления политического влияния Лапуаского движения и IKL на внешнеполитический курс Финляндии. Однако в своих оценках ситуации и ближайших перспектив советским дипломатам приходилось пользоваться теми терминами, которые были в ходу у Коминтерна и советской пропаганды. В силу этого оценка политических процессов оказывалась далекой от реальной ситуации.

Ключевые слова: Лапуаское движение, IKL, Финляндия, фашизм, радикализм, Коминтерн.

A. I. Rupasov. Lapuan movement and the Soviet-Finnish relations (the late 1920s — early 1930s)

The aggravation of the political situation in Finland in the late 1920s became a cause of the radical movement (Lapua movement), and later — the so-called Patriotic people's movement (IKL). The activities of these political organizations called into question the preservation of the constitutional system of Finland, a parliamentary democracy. Soviet diplomacy was interested not so much the Finnish authorities take measures against the Communist party and the trade unions, how many the possible consequences of increasing political influence Lapua movement and IKL on the foreign policy of Finland. However, in assessments of the situation and immediate prospects the Soviet diplomats had to use those terms, which were used by the Comintern and Soviet propaganda. Because of this, the assessment of political processes is far from the real situation.

Key words: Lapua movement, IKL, Finland, fascism, radicalism, the Comintern.

Рупасов, Александр Иванович — д.и.н., ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук; член-корреспондент Финляндского исторического общества (Suomen Historiallinen Seura).

Rupasov, Aleksandr Ivanovich — Dr. of Sciences (History), St Petersburg institute of History, Russian academy of Sciences; corresponding member of the Finnish historical society.

Email: rupasov_ai@mail.ru